

Валери, не все мечты обман

Содержание

1. Кампания «Шепот».....	5
2. Начало любви сладко, конец горько	22
3. Учитель воскресной школы.....	41
4. осьминог в Киеве	101
5. Колонна и сливной кран.....	148
6. Бабочка	167
7. В братоубийственной борьбе нет победителей	183
8. Валери	210
9. Зеркальце Ликурга	249
10. Постоянные слуги	273

Предисловие

Люди часто спрашивают меня, правдивы ли эти истории. Отвечу кратко. Большинство событий действительно имели место. Другие могли бы произойти. А третьи происходят каждый день, и никто их даже не замечает.

Что может быть интереснее, чем наблюдать за людьми в естественной среде? Я с удовольствием оставляю за читателем право решать, где заканчивается реальность и начинается воображение. Свобода, особенно свобода мысли, имеет неоценимое значение, даже если впоследствии окажется, что это была всего лишь иллюзия.

Скажите честно: насколько вы свободны в паутине социальных обязательств и естественных инстинктов? Являетесь ли вы главным героем своей жизни или всего лишь статистом? Бывший мэр Параматты (Австралия) Джон Хейнс, ветеран войны во Вьетнаме, сказал мне в 1993 году, что человеком движут три вещи: страх, жадность и страх.

Страх вырваться из своей клетки для многих людей становится тяжёлым бременем на пути к приключенческой жизни. Цепляние за ложные гарантии, иллюзии и желаемое за действительное не делает вас свободными. Другие проявляют саморазрушительное поведение в виде всевозможных зависимостей.

Разве все эти зависимости не являются гранями одного и того же кристалла — экзистенциальной пустоты и смягчения боли и печали? Жизнь — это фильм с взлетами и падениями.

Постарайся, чтобы это был чертовски хороший фильм!
Я отвергаю мрачную мысль многих философов о том, что жизнь — это одно большое страдание. Мне это кажется откровенной чепухой. Возможно, смысл жизни — это само путешествие. Пункт назначения не так важен. Осмелитесь жить.

Неудачи и печаль формируют вашу личность и стимулируют вашу самостоятельность и стойкость. Вы можете оценить тепло только тогда, когда знаете, что такое холод. У всех хороших вещей в жизни есть свои антонимы. Без этих противоположностей ты ничего не испытываешь, в том числе и справедливости.

Меня зовут Дик Момус, я наблюдатель, исследователь, биограф, комментатор и репортер на службе у Малекболги. Мои задания сильно различаются, но в сущности всё сводится к одному и тому же: как всё было на самом деле и почему люди поступали так, как поступали.

Для меня стремление к поиску истины, честность и справедливость — важнейшие добродетели и критерии оценки. Это не значит, что я обладаю монополией на мудрость, но означает, что я стараюсь подкреплять свои выводы логичными и правдоподобными аргументами.

В наше время, особенно в политической сфере, это, похоже, стало редким исключением.

1. Кампания «Шепот»

Задание Дика Момуса: докопаться до сути этого дела и пролить на него свет. Имеет ли место полная невинность Пиафелкеттинг или же речь идет о совместной вине? Привлекла ли она беду на себя и существует ли карма? Не бывает ли так, что люди, которые больше всех говорят о честности, сами зачастую являются наименее честными? Я оставляю право судить об этом читателю.

Меня зовут Дик Момус. Я репортёр в «Пятой пропасти Малебоге». Это звучит серьёзнее, чем есть на самом деле, хотя должен признать, что у нас очень загруженный отдел. В Первой пропасти занимаются тиранами, во Второй — банкирами, в Третьей — лжепророками, а в Четвёртой — людьми, которые в ток-шоу говорят «со всем уважением» прямо перед тем, как кого-то уничтожить.

Пятая пропасть предназначена для тех, кто подрывает авторитет других, произнося высокопарные речи. К нам поступает много дел, связанных с муниципальной политикой. Мой начальник, бледный мужчина с лицом, будто он ещё при рождении выразил недовольство обстоятельствами, однажды утром положил на мой стол тонкое досье. «Дженеверсити», — сказал он.

Я посмотрел на обложку. «Опять о каком-то муниципалитете?» «Особом». «Так все говорят». «Этот шепчет». Я вздохнул. «Все муниципалитеты шепчут». «А этот сделал это своей политикой». Это заинтересовало меня. «О чем книга?» «О мэре. О цепочке пар». «Виновен?» «Недостаточно». «Невиновен?» «Тоже недостаточно».

«Значит, человеческий?» «Именно. Поэтому мы посылаем тебя». Я открыл досье. В нём почти не было бумаг. Только список имен: Паарелкетенинг, Стампертье, Блауве, Рукгордин, Ланге Яп, Стекел, Тик, Хьюго Влот.

«Что мне делать?» «Наблюдать». «Могу я вмешиваться?» Мой начальник посмотрел на меня так, будто я предложил временно отменить силу тяжести. «Мы никогда не вмешиваемся. Мы фиксируем. У человека есть свобода воли». «Вы до сих пор в это верите?» «Нет. Но это красиво смотрится в нашей брошюре».

Так я оказался в Дженеверсити. У каждого города свой собственный звук. В одних городах слышно море. В других — трамваи, рыночные торговцы, дети, собаки или церковные колокола. В Дженеверсити слышался прежде всего шепот.

Он доносился из-за занавесок, за чашками кофе, в коридорах мэрии, в пекарне, в залах ожидания, на днях рождения и, когда дело доходило до самого серьёзного, на местном интернет-форуме Тика. Тик был бывшим журналистом, что в Дженеверсити означало, что он по-прежнему писал, но никто ему больше не платил.

Это не делало его перо менее острым, но зато более едким. У него были брови, которые сами по себе могли бы составить оппозиционную фракцию, и он всегда смотрел так, будто только что раскрыл преступление, даже когда кто-то просто заказывал булочку с изюмом.

Его верной информаторшей была Стикел. Она тоже была бывшей журналисткой, бывшей доверенной лицом, бывшей помощницей, бывшей подругой, бывшей жертвой и, по сути, бывшей всем, кроме бывшей в плане злобы.

В этом она была молода, гибка и неутомима. Днём она бродила по городу с сумкой для покупок. Ночью, как утверждали злоязычные, она низко пролетала над крышами Броерсвеста в поисках новых фактов. Только в Дженеверсити подозрение быстро называли фактом, а факт — доказательством, особенно если это можно было использовать против кого-то.

Я поселился в гостинице на набережной. Хозяин налил мне стакан джина и огляделся, словно лампы могли подслушивать. «Вы, наверное, приехали за ней?» «За кем?» Он наклонился ко мне. «За мэром». «Каким мэром?» Он побледнел. «Тише».

Это был мой первый урок в Дженеверсити: чем меньше знаешь, тем тише говоришь. На следующее утро прибыла Паарелкенинг. Она вышла из чёрной машины, посмотрела на старую ратушу и подумала: здесь нужно навести порядок.

Это была её первая ошибка. В Дженеверсити люди могли многое терпеть: запущенность, засушливые парки, протекающие крыши, непонятные программные документы, заместителей мэра, которые говорили три четверти часа, не высказав ни одной мысли. Но порядок? Это было уже слишком.

Парелконек была энергичной, остроумной, амбициозной и прямой. Она произносила предложения, заканчивая их точкой. Это ей не простили. В Дженеверсити руководитель должен был произносить предложения с запятой, тремя оговорками, двумя извинениями и ссылкой на дальнейшее обсуждение.

На своём первом заседании она сказала: «Мы поступим именно так». Наступила тишина, словно она объявила о государственном перевороте. Член городского совета Блауве смотрел на свои бумаги. Председатель фракции Стампертье потянул за воротник своего вязаного свитера. Секретарь Рукгордин улыбнулся. Никто не знал, почему.

Именно это и вызывало беспокойство. У Рокгордина было лицо, которое никогда не выдавало его мыслей, и глаза, которые, казалось, всегда искали выход. Он в совершенстве владел искусством присутствовать, не неся при этом никакой ответственности. Когда что-то шло хорошо, он всегда был к этому готов.

Когда что-то шло не так, оказывалось, что он случайно отсутствовал. «Председатель, — медленно сказал Стампертье, — я всё же хочу заметить, что в этом городе мы привыкли к тщательному процессу». «К тщательному процессу?» — спросил Паарелкенинг. «Конечно». «Но уже двенадцать лет ничего не происходило».

«Именно поэтому, — сказал Стампертье, — мы не должны сейчас ничего торопить». Совет счел это чрезвычайно мудрым ответом. Паарелкеттинг ещё не понимала, что застой в Дженеверсити — это не отсутствие политики, а культурно-историческое достояние.

Первые месяцы она работала как белый торнадо. Досье исчезали из стопок. Принимались решения. Чиновники, которые годами надежно укрывались за формулировками вроде «в принципе», «требует дополнительного рассмотрения» и «в рамках действующих норм», начали спать беспокойно.

На улицах тоже что-то заметили. Предприниматель наконец получил ответ. Парк был приведён в порядок. Завалившееся здание взяли в руки. Город даже, к ужасу некоторых, обрёл немного блеска. «Она делает слишком много», — сказал Стампертье. «Она делает это слишком быстро», — сказал Блауве. «Она делает это без достаточной поддержки», — сказал Хоутвурм.

«Она действует», — сказал «Дымовая завеса». И это было серьёзно. Ведь тот, кто действительно что-то делает, наживает врагов среди тех, кто годами ничего не делал и обрёл в этом некую достоинство. Высшие чиновники Дженевер-сити были особым сортом.

Они носили тёмные костюмы, не читали записки друг друга, но хвалили их качество из сослужебной самозащиты. Они были мастерами в написании текстов, в которых ничего не было сказано. Их главный талант заключался в формулировании выводов, с которыми мог согласиться каждый, потому что никто не понимал, что именно имелось в виду.

Они часто говорили о честности. Делали это они, прежде всего, в залах с кофе, печеньем и экранами для презентаций. «Честность, — сказал муниципальный секретарь Ределик во время семинара, — это основа доверия». Все кивнули. Так всегда поступали, когда речь шла об основах.

Затем встал руководитель отдела кадров Уго Влот. У него было бодрое лицо человека, который называл реорганизации «возможностями для развития». «Мы стремимся, — сказал он, — к теплой корпоративной культуре, в которой каждый сотрудник чувствует себя в безопасности, чтобы делиться своими чувствами».

«Сколько сотрудников было признано излишними в прошлом месяце?» — спросил кто-то с задних рядов. «Сорок три», — ответил Хьюго Влот. «Они чувствовали себя в безопасности?» «Это процесс». «Какой процесс?» «Тщательно продуманный процесс». На этом вопрос был исчерпан.

Хьюго Влот говорил исключительно словами, не оставляющими следов крови. Увольнение называлось «мобильностью». Страх назывался «ощущением». «Злоба» называлась «сигналом». «Некомпетентность» называлась «направлением для развития». «Трусость» называлась «административной чуткостью».

Когда он увольнял кого-то, он делал это с такой эмпатией, что уволенный почти чувствовал себя виноватым за то, что ему было грустно. Парелькейт слишком быстро проникала в суть такого рода речи. «Просто скажите, что вы имеете в виду», — сказала она однажды Хьюго Влоту.

Он посмотрел на неё так, будто она предложила ему пройтись голым по столовой. «Но, госпожа мэр, — сказал он, — мы должны соблюдать человеческий фактор». «Какой человек?» «Сотрудник». «Какого сотрудника?» «Сотрудника в общем смысле». «Такого не существует».

Позже Хьюго Влот записал в своём дневнике: мэр демонстрирует ограниченное понимание нюансов организационной психологии. Кампания шепота не началась с лжи. Хорошие кампании шепота никогда так не начинаются. Она началась с вопроса. «Вы тоже заметили, что Паарелкеттинг довольно доминирующий?» Это ещё не было обвинением.

Сначала был один вопрос. Затем последовал второй: «Считаете ли вы, что её стиль действительно способствует сплочению?» Затем третий: «Нормально ли, что мэр читает столько документов?» В течение трёх недель заговорили о стиле управления. Через шесть недель — о проблеме.

Через три месяца речь пошла о культуре. И к тому моменту, когда прозвучало слово «культура страха», никто уже не помнил, кто его произнес, но все были уверены, что ощущали это уже много лет. Стикел сыграла в этом главную роль. У неё был удивительный талант видеть закономерность в любом событии.

Когда Паарелкенинг не приветствовала чиновника, это было запугиванием. Когда она его приветствовала, это было манипуляцией. Когда она молчала, она была ледяной. Когда она говорила, она была доминирующей. Когда она смеялась, она была высокомерной. Когда она не смеялась, она была холодной. «Всё верно», — сказала Стикель Тику. «Что именно верно?» — спросил Тик. «Всё». Этого было достаточно.

В тот вечер Тик написал на своём форуме пост под названием: «Вопросы о культуре управления становятся всё более актуальными». Какие именно вопросы стали актуальными и у кого — не указывалось. Это повышало достоверность. На следующий день об этом заговорил пекарь. Мясник знал об этом больше.

Цветочница была уверена, что Паарелкенинг заказывала цветы без аромата. Пенсионерка-учительница утверждала, что у неё дома живёт собака, которая понимает только французский. «Почему французский?» — спросил кто-то.

«Потому что это элитарно», — ответила учительница. Никто не счёл этот аргумент слабым. С тех пор как кампания слухов набрала обороты, потребление кофеина среди дам с улицы Броерсвест выросло до тревожных высот. Утренние кофе-паузы приобрели научный характер.

У каждой соседки к тому времени было как минимум три анонимных источника, два достоверных предположения и одна невестка, которая находилась «в самом центре событий», хотя и работала в библиотеке всего два дня в неделю.

Дамы уже не просто болтали, они вели расследование. «Ты слышала, что она вчера сердито посмотрела?» «На кого?» «Это пока неясно.» «Значит, дело серьезнее, чем я думала.» «Именно». Местный семейный врач выписывал больше снотворного, чем антибиотиков, а аптекарь начал задаваться вопросом, почему взрослые люди могут так явно процветать за счет чужого несчастья.

Их мужья сначала протестовали против ежедневных сплетен. Через несколько недель они перестали это делать. Дело в том, что дамы каждый вечер возвращались домой с заметной энергией. По словам семейного врача, медицинского объяснения этому не было. По словам священника — тоже.

Только парикмахер считал, что злословие — это недооценённый афродизиак. Никто не осмеливался ему противоречить. Тем временем в совете нарастала напряжённость. Стампертје почувствовал, что настал его момент. Он был человеком, который никогда не торопился, за исключением тех случаев, когда кто-то другой падал. Тогда он мог бегать удивительно быстро.

Во время заседания совета он поправил свитер, принял выражение лица, которое специально приберегал для обсуждения моральных вопросов, и сказал:
 «Председатель, давайте сразу разберемся. Мы здесь никого не обвиняем. Наоборот.

Именно поэтому мы должны докопаться до сути». «Но что же тогда?» — спросил Паарелкетинг. «Это, — сказал Стампертье, — и нужно выяснить». Совет кивнул. Это была блестящая аргументация. Никто не знал, что произошло, и именно поэтому было необходимо провести расследование, чтобы выяснить, почему у всех сложилось ощущение, что, возможно, что-то и произошло.

«Дымовая завеса» подсунул папку. «Есть агентства, — сказал он, — которые специализируются на этом». «Какие агентства?» — спросила Паарелкиннинг. «Дымовая завеса» кашлянул. «На самом деле есть только одно агентство, которое достаточно независимо». «И какое же?» «Вы просите — мы выполняем».

Кто-то должен был предупредить «Жемчужную цепочку». Но она была уставшей. А когда человек устал, ему иногда кажется, что здравого смысла достаточно, чтобы разоблачить неразумие. Через три дня прибыл «Длинный Яп». Он был высоким, худощавым и нес портфель так, будто в нём лежал «Страшный суд».

Он говорил тихо, смотрел серьёзно и делал заметки, когда кто-то кашлял. «Мы больше всего любим расследовать правду», — сказал он, войдя. «Это успокаивает», — сказала Паарелкетинг. «Это не всегда было целью», — ответил Длинный Яп. Его метод был прост.

Он выслушивал всех, кто мог что-то сказать о Паарелкеттинг, особенно если этот человек её не любил. Анонимных свидетелей он считал надёжными именно потому, что они были анонимными. Людей, которые осмеливались назвать своё имя, он находил удивительно самоуверенными.

Оправдательные показания он считал интересными, но не решающими. Обвинительные показания он также считал интересными, но по-другому. Стекел приходил дважды. В первый раз — со слухами. Во второй раз — с теми же слухами, но громче.

Ланге Яп тщательно записывал: «Последовательная картина». Тик предоставил распечатки со своего форума. «Это будоражит город», — сказал он. «Кто всё это пишет?» — спросил Ланге Яп. «Город», — ответил Тик. Ланге Яп кивнул. Город в качестве свидетеля — это производило впечатление.

Тем временем мэрия превратилась в улей без мёда. Всюду слышался шепот. Люди, которые годами не обращали друг на друга внимания, теперь доверительно наклонялись друг к другу. «Тебя уже выслушали?» «Нет, а тебя?» «Да». «Что ты сказал?» «Что не смею ничего сказать». «Храбро». «Длинный Яп тоже так считал».

Один сотрудник, который никогда не испытывал страха, начал задаваться вопросом, не вытеснил ли он это из памяти. Другой вдруг вспомнил, что три года назад Паарелкетинг сказал «доброе утро» тоном, который, как оказалось, был слишком решительным.

Даже растения в административном крыле выглядели нервно. Хьюго Влот немедленно организовал собрание по вопросам социальной безопасности. «Мы должны серьезно относиться к чувствам», — сказал он. «Даже если они неверны?» — спросил Паарелкеттинг. «Чувства всегда верны».

«Тогда нам больше нечего расследовать». «Это слишком упрощенный вывод». «А если кто-то чувствует, что вы некомпетентны?» Хьюго Влот болезненно улыбнулся. «Тогда мы должны рассмотреть контекст этого ощущения». «Именно», — сказал Паарелкеттинг. Позже это было истолковано как запугивающее вмешательство.

Тем временем высокопоставленные чиновники были поглощены своим любимым занятием: страховкой. Появились служебные записки. Не о том, что было правдой. А о том, кого можно было бы привлечь к ответственности, если бы позже выяснилось, что кто-то должен был что-то сделать, чего не сделал, потому что другой в принципе мог это подготовить.

Ределик, секретарь муниципалитета, подготовила записку под названием: «Ответственность в контексте формирования представлений о процессах в рамках административной динамики». Никто её не читал. Все её хвалили. «Превосходная записка», — сказал «Дымовая завеса». «Очень сбалансированная», — сказал Хьюго Влот. «А что в ней написано?» — спросил «Жемчужная цепочка».

Наступила тишина. «Речь идет прежде всего о направлении», — сказал Ределик. «Каком направлении?» «Вперёд». «Куда?» «Это нам предстоит совместно выяснить».

Я часто задавался вопросом, нужен ли аду действительно огонь. Возможно, достаточно конференц-зала с подвесным потолком, теплым кофе и людьми, которые говорят «совместно выяснить». Тем временем Жемчужное ожерелье становилось всё более нетерпеливым.

«Это безумие», — сказала она Дымовой занавесе. «Это ваше восприятие», — ответил Дымовой занавес. «Моё восприятие? Вы же сами знаете, что всё это основано на слухах?» «Слухи могут быть сигналами». «А сигналы могут быть слухами».

«Именно это различие, — сказал Дымовая завеса, — и является предметом исследования». Против этого нечего было возразить, потому что в этом не было никакого смысла. Сила административного языка заключается в том, что он может облекать пустоту в такие формы, что она начинает походить на мысль.

Когда появился отчёт, город уже закончил его читать, ещё до того как кто-либо успел его раскрыть. Ведь вывод был известен заранее. В этом и заключается преимущество хорошо подготовленного исследования. Длинный Яп представил свои выводы в зале заседаний совета.

Он говорил о закономерностях, сигналах, стиле управления, ощущаемом давлении, контекстуальных напряжениях и широко распространённом чувстве небезопасности. «Насколько широко распространённом?» — спросил кто-то. «Достаточно широко», — ответил Длинный Яп.

«Сколько людей?» «Это конфиденциально». «Но это правда?» Ланге Яп посмотрел так, будто ему задали неуместный вопрос. «Правда, — сказал он, — в подобных процессах — понятие многослойное. Стампертье на мгновение закрыл глаза. Он наслаждался моментом. Блауве смотрел серьёзно.

Хутвурм что-то записывал, но позже сам не смог это прочитать. Дымовая завеса сидел неподвижно, как человек, который уже давно знал, где находятся двери. Жемчужная цепочка слушала и почувствовала, как что-то жалось у неё в груди.

Не потому, что она считала себя совершенно невиновной. Она таковой не была. Она была резкой. Иногда слишком резкой. Она ранила людей, не всегда замечая этого. Она думала, что благие намерения освобождают её от необходимости проявлять такт.

Она нажила себе врагов, а потом недооценила их. Но то, что происходило здесь, было чем-то другим. Здесь слабости превращались в преступления. Здесь стиль возвышался до греха. Здесь раздражение маскировалось под мораль.

И хуже всего было то, что маскировка сидела как влитая. «Могу я ответить?» — спросила она. «Конечно», — сказал Стампертье. «Мы очень ценим право на высказывание обеих сторон». «Тогда я хочу сказать, что этот отчёт односторонний». Длинный Яп что-то записал.

— Что вы там записываете? — спросила Паарелкетинг.
 — Что вы не признаёте эти выводы. «Но ведь это же правда?» «Конечно», — сказал Длинный Яп. «Это подтверждает картину». «Какую картину?»

«То, что вам трудно воспринимать критику». В этот момент Паарелкетинг поняла, что она находится не на собрании, а в дворце зеркал, где каждое её движение используется против неё. Если она молчала, она казалась холодной.

Если она говорила, она казалась властной. Если она защищалась, она отрицала. Если она признавала, она признавалась. Бывают процессы, в которых можно только проиграть, потому что поражение — единственный допустимый исход. На следующее утро город был в огне. Не в буквальном смысле.

Для этого Дженевсити был слишком влажным. Но морально он горел не на шутку. На форуме Teek появились сотни сообщений. «Наконец-то справедливость!» «Мы знали об этом уже много лет!» «Моя соседка тоже это чувствовала!» «Один знакомый моего шурина как-то слышал что-то!»

«Нет дыма без огня!» Последнее написал человек, который сам уже несколько месяцев поднимал шум. Приехали национальные СМИ. Жители сочли это ужасным. И восхитительным. Все осуждали ущерб, нанесённый имиджу города, а затем давали по три интервью на человека.

Штекель шагала по рынку, как полководец после выигранной битвы. «Народ высказался», — сказала она. «Какой народ?» — спросил я. «Народ, который прав». «Это всегда один и тот же народ?» Она подозрительно посмотрела на меня. «Вы задаёте опасные вопросы». «Все вопросы опасны для тех, кто уже знает ответ».

«Вы уверены, что на её стороне?» «Дорогая моя, — сказал я, — я едва ли даже на своей собственной стороне». Её это не успокоило. Паареленкейн ушла в отставку ещё до того, как чернила на отчёте успели высохнуть. Это казалось разумным. Но оказалось катастрофой.

Ведь тот, кто уходит, подтверждает в глазах общественности, что есть что-то, что нужно подтвердить. «Видите ли», — сказал пекарь. «Видите ли», — сказал мясник. «Видите ли», — сказал цветочник. Никто не сказал, что именно он видит. В этом и не было необходимости.

Слова «видите ли» относятся к числу самых мощных оружий человеческой цивилизации. Они ничего не доказывают, но закрывают всё. В последующие дни главные действующие лица ходили с серьёзными лицами людей, которые вызвали катастрофу и теперь беспокоились о жертвах.

Стампертье заявил, что никто этого не хотел. Блауве сказал, что это был печальный день. Хоутвурм призвал к размышлениям. Рукгордин предложил извлечь уроки. Хьюго Влот объявил о запуске культурной программы. Ланге Яп выслал счёт. Город с облегчением вздохнул.

Не потому, что справедливость восторжествовала, а потому, что история получила понятный всем финал. Падение. Виновный. Отчёт. Новый мэр. Больше среднестатистическому сообществу и не нужно, чтобы продолжать жить по старым привычкам. И всё же что-то осталось в воздухе.

Запах. Послевкусие. Даже в Дженевер-сити, где люди привыкли ко многому, некоторые начали задаваться вопросом, не участвовали ли они в этом слишком рьяно. Однажды вечером хозяин моей гостиницы сказал: «Возможно, она была не из легких». «Нет», — ответил я. «Но это еще не преступление». «Нет».

«И мы, возможно, тоже были не из легких». Я посмотрел на него. Он испугался собственной откровенности и поспешно налил два стакана дженевера. «Забудь, что я сказал». «Город, наверное, так и поступит», — ответил я. В последний вечер я прогулялся вдоль реки Схи. Туман низко висел над водой. Фонари отражались в ней, словно уставшие звезды.

Вдали церковные куранты пробили девять часов — час, когда Дженевер-Сити обычно укладывался спать, чтобы на следующий день с новыми силами продолжить шептаться. Я ещё раз увидел Стикель. Она стояла на мосту и смотрела на ратушу. «Вы уезжаете?» — спросила она. «Завтра». «Тогда вы будете скучать по нам».

— Несомненно. — Вы же будете писать честно? — Постараюсь. — Тогда напишите, что мы хотели только правды. Я промолчал. — Почему вы ничего не говорите? — спросила она. — Потому что все так говорят. Она повернулась и исчезла в тумане.

Чуть позже я услышал над крышами странный свист. Может, это был ветер. Может, метла. Может, просто воображение уставшего репортера. На следующее утро я покинул Дженеверсити. В поезде я думал о Паарелкенинг. Не как о святой. Не как о мученице. Не как о чудовище. А как о человеке.

И именно этот образ удержать в памяти сложнее всего. Люди не любят людей. Они любят роли. Герой. Злодей. Жертва. Преступник. Ведьма. Спаситель. Как только кому-то присваивают роль, больше не нужно смотреть. Остаётся только повторять.

Вот почему кампании, основанные на слухах, так сильны. Они не требуют мужества. Ни доказательств. Ни умственных усилий. Только рот. Мой начальник прочитал последнюю страницу, снял очки и посмотрел на меня. «И?» «Никто не был полностью виновен». «Как всегда».

«Никто не был полностью невиновен». «Как всегда». «Один был тщеславен. Другой — злопамятным. Третий — трусом. Четвертый — глупым. Пятый — профессионалом». «Профессионалом?» «Да. Иногда это самое опасное». Мой начальник кивнул. «А мэр?» «Человек».

«Ей этого не простят». «Нет». Он закрыл досье. «Куда следующее задание?» — спросил я. Он улыбнулся. «В Киев, там, похоже, даже птицы коррумпированы». Я вздохнул. «Значит, опять те же люди?» «Только задания покрупнее». Такое у почти каждого есть.

Вернувшись в Пятую пропасть Малемолги, я сдал отчёт. Моё следующее задание уже ждало меня. Мне предстояло расследовать упорный слух о том, что даже птицы в Киеве коррумпированы. Это расследование заняло у меня годы, гораздо больше времени, чем я предполагал.

Без всякого сомнения, это стало самым прекрасным заданием в моей жизни, и, черт возьми, как же я наслаждался этим и смеялся над тем образом Украины, который рисовали наши политические элиты и журналисты. Этот образ не мог быть дальше от реальности.

Но широкая общественность очень чувствительна к этому. В 2022 году желто-голубые флаги висели практически на каждой улице Нидерландов. Сейчас их уже нет. Всегда требуется некоторое время, прежде чем фактическая ситуация доходит до широкой общественности.

Политические элиты и журналисты мейнстримных СМИ, безоговорочно приверженные ложному нарративу, уже не могли повернуть вспять, и их истории становились всё менее правдоподобными и всё более выдуманными. Никто не несёт ответственности.

Никто не признаёт своей неправоты. Главные политические действующие лица исчезли со сцены. На их место пришли новые тяжеловесы. Поддержка оставалась безоговорочной, неконтролируемой — до последнего украинца.

Мы называли это помощью, но с такими друзьями враги уже не нужны. Я вернусь к этому в следующей истории. «Абсурдная пьеса» — это, пожалуй, самое подходящее определение. Спустя годы я узнал, что «Дженеврсити» всё ещё существует. Те же улицы. Та же набережная. Тот же зал заседаний. Другие руководители. Новые проблемы.

Новые отчёты. Новые слова для старой обиды. Ведь города редко извлекают уроки. А люди — тем более. Меняется только название шепота. И где-то, в этом я почти уверен, Тик снова сидел за своим экраном, Стиккел разглаживала своё старое пальто, Стампертье склонился над новой тревожной формулировкой, Хьюго Влот говорил о безопасности, Ланге Яп записывал подозрительный кашель, а Рукгордин улыбался так, как улыбается тот, кто знает, что любой туман рано или поздно снова пригодится.

Что касается Паарелкеттинг: она исчезла из города, но не из истории. Она обанкротилась. Местный подрядчик (и лучший друг бывшего мэра Шеервеге, которого она лишила королевской награды), с которым она поссорилась из-за заоблачной доплаты за ремонт её слишком большой виллы, прикрепил к её машине устройство слежения, был пойман, преследован и, словно в 8-м круге ада, поджег себе ноги.

Победителей не было. Только проигравшие. В том числе и сам город, который уже мало кто из посторонних воспринимал всерьёз. Тик перенёс остановку сердца, когда хотел снова опубликовать гнусный комментарий об очередном судебном процессе Паарелкеттинга, а Стикель споткнулся о выбитую плитку на тротуаре в Зварт-Назарете. Карма существует. Иногда это единственное право, которое остаётся.

Дело не в том, чтобы победить. Не в том, чтобы доказать свою правоту. А в том, чтобы кто-то, пусть даже спустя годы, ещё раз записал: правда редко кричит. Она шепчёт. Только гораздо тише, чем ложь.

Комментарий Дика Момуса: Честность — важнейшая добродетель, но в политическом контексте её можно использовать и для устранения оппонентов. Люди, которые громче всех заявляют о честности, так называемые «защитники нравственности», зачастую сами менее всего честны. Они навязывают другим нормы и основные ценности, которых сами часто не соблюдают. Кроме того, самонадеянность и высокомерие — опасные черты характера. Пиафелькайнт считала себя неприкосновенной и производила на своих противников впечатление высокомерной и своенравной. Это дало возможность устранить её с помощью кампании слухов. Народное мнение редко знает факты и контекст.

2. Начало любви сладко, конец горько

Задание Дика Момуса: существует ли настоящая любовь или это иллюзия, и если она существует, почему она такая редкая? Не построены ли любовные отношения, набирающие популярность со времён романтизма, на зыбком песке, и не является ли брак по расчёту более стабильным?

Флоренция, где Арно видел всё

Меня зовут Дик Момус. Я репортер в «Пятой ущелье Малебоге» — отделе, где обычно занимаются тиранами, предателями, банкирами, придворными, ревнивыми любовниками, неудачливыми святыми и другими существами, которые с самого зарождения человечества без всякой надобности усложняют ему жизнь.

Однажды утром — если там, наверху, вообще можно говорить об утрах — мой начальник вызвал меня к себе. Он сидел за своим столом, который, казалось, был сделан из окаменевшего раскаяния. Перед ним лежало не толстое досье, не стопка пергаментов, полных войн и заговоров, а всего лишь одна тонкая папка. «Флоренция», — сказал он. «Убийство?» — спросил я.

— Конечно. — Предательство? — Тоже. — Деньги? — Всегда. «Значит, это опять обычное дело». «Нет», — сказал он. «Здесь речь идет о любви». Я замолчала. В нашем отделе это слово всегда вызывало неловкость. Об убийствах можно было отчитываться в установленном порядке. Для государственных переворотов существовали шаблоны. Для коррупции у нас даже были стандартные рубрики. Но любовь?

Любовь — это непредсказуемая сила. Она не подчиняется процедурам, срокам или разумным ожиданиям. «Что мне нужно расследовать?» — спросил я. «Существует ли настоящая любовь». «Мне кажется, это тема для поэтов». «Именно поэтому мы посылаем тебя.

Поэты преувеличивают. Философы сбиваются с пути. Теологи слишком всё усложняют. А ты просто посмотри». «А если я ничего не найду?» «Тогда напиши об этом». «А если я что-то найду?» Мой начальник посмотрел на папку. «Тогда мы это тщательно сохраним. Такое случается редко».

Так я оказался во Флоренции, в век, когда мужчины ходили с кинжалами, женщины — с секретами, священники — с тайными мотивами, а правители — с лицами, настолько гладкими, что даже их грехи соскальзывали с них. Уже тогда Флоренция перестала быть городом, а стала произведением искусства, в котором жили люди, считавшие себя важнее самого города, который их поддерживал.

Днём дворцы сияли на солнце. Вечером камни окрашивались в красный цвет, словно вспоминая убийства, задуманные в их тени. Арно спокойно текла сквозь всё это, как старый свидетель, который давно понял, что люди приходят и уходят, а вода никогда не принимает ничью сторону.

Я прогуливался вдоль реки и думал о Гераклите. «Пантареи». Всё течёт. Только человек пытается сдержать реку с помощью титулов, контрактов, имущества, браков, клятв и завещаний. Он говорит: «Мой дом, моё имя, моя жена, мой ребёнок, моё тело, моя слава». Время лишь улыбается.

Оно знает, что всё когда-нибудь будет возвращено. Во Флоренции об этом, возможно, знали лучше, чем где-либо, но не действовали соответственно. Напротив. Именно там, среди церквей, фресок, домов банкиров, тайных ходов и ароматных садов, пытались облечь брэнное в золото. Медичи были в этом мастерами.

Они накапливали власть так же, как другие собирают ракушки на берегу моря: с кажущейся лёгкостью, но никогда без жажды. Они покупали художников, епископов, браки, врагов и, время от времени, совесть. Тем не менее было бы несправедливо описывать их лишь как хищников.

В этом и заключается сложность людей: редко бывают они достаточно просты, чтобы быть чисто злыми. Они дарили миру красоту. Но красота часто финансируется страхом. В том городе, где дьявол порой был одет лучше, чем ангелы, появилась Бьянка Капелло.

Она приехала из Венеции — города, который сам по себе напоминал женщину: соблазнительный, отражающий, опасный, великолепный и всегда медленно исчезающий в воде. Бьянка была молода, из хорошей семьи и наделена той красотой, которая заключается не только в чертах лица.

Есть женщины, которые красивы, пока молчат. Есть женщины, которые становятся еще красивее, как только заговорит. Бьянка принадлежала к последнему типу. Она обладала грацией без напускности, мягкостью без слабости и игривым умом, который сначала успокаивал мужчин, а потом обезоруживал их.

Когда она улыбалась, казалось, что она не освещает комнату, а напоминает людям в этой комнате о том, что когда-то они сами обладали светом. В Венеции она познакомилась с Пьеро Бонавентури. Пьеро не был монархом. Не был кардиналом. Не был полководцем.

Не тот человек, о котором история обычно тратит свои лучшие чернила. Он был банковским служащим, что в те времена означало: он находился достаточно близко к деньгам, чтобы они могли его развратить, но не настолько высоко, чтобы они действительно могли его защитить.

Бьянка и Пьеро влюбились. Безнадёжно, как принято говорить. Это слово подобрано удачно. Многие зарождающиеся любви сладки, потому что они ещё ничего не знают о завтрашнем дне. Они питаются мёдом и забывают о пчеле. Они видят дверь, а не замок. Они слышат музыку, а не тишину, которая наступает после неё.

Родители Бьянки никогда бы не одобрили Пьеро. Он был слишком низкого происхождения. В мире семей, гербов и приданого любовь приемлема лишь до тех пор, пока она не нарушает баланс. Поэтому они сбежали. Так любят поступать влюбленные в старинных сказках.

Они думают, что смогут ускользнуть от мира, сменив город. Но мир путешествует легко. Он помещается в чемодане, в письме, в воспоминании, в имени. Бьянка и Пьеро уехали во Флоренцию и тайно поженились. Для Пьеро это могло означать смерть. Для Бьянки — монастырь.

Закон редко бывает столь суров, как тогда, когда молодые люди делают то, чему потай завидуют сами

пожилые люди. Они жили в подполье, недалеко от Сан-Марко, в комнатах, где любовь вскоре стала меньше кровати, уже, чем дверь, и теснее, чем улица, по которой они не могли свободно ходить.

Раньше, наверное, было слаще. Двое молодых людей. Общий страх. Секрет. Рука, ищущая в темноте другую. Но даже самая страстная любовь подвергается испытанию влажными стенами, закрытыми ставнями и постоянной угрозой того, что каждый шаг по лестнице может стать последним.

Пьеро, рискнувший жизнью, чтобы обладать ею, вероятно, быстро обнаружил, что обладание — это убогая форма любви. Тот, кто из любви запирает женщину, пусть даже вместе с собой, рано или поздно превращает возлюбленную в зеркало собственного недостатка.

Бьянка не увядала. Для этого она была слишком жива. Но она всё чаще смотрела в окно. Не для того, чтобы сбежать. Пока ещё нет. А чтобы напомнить себе, что за пределами комнаты существует мир. И тогда Франческо де' Медичи увидел её. Бывают мгновения, которые не похожи на мгновения.

Они коротки по времени, но долги по последствиям. Они делятся, может быть, три секунды, но бросают тень на десятки лет. Франческо уже тогда был связан браком, который другие называли разумным. Это часто самый печальный вид брака. Его жена, Иоанна Габсбургская, была императорского происхождения, безупречна по положению и холодна по облику.

У неё было всё, о чём могла мечтать династия, и малое, что могло согреть сердце мужчины. Франческо не был

простым романтиком. Он был Медичи. Он знал, что такое власть, расчёт, ранг и опасность. Он знал, что взгляд можно неправильно истолковать, что улыбка может привести в движение весь двор и что любовь при дворе никогда не остаётся просто любовью.

При дворе даже вздох становился политическим. И все же он был потерян, как только увидел Бьянку. Не потому, что она была просто красива. Одной красоты редко бывает достаточно. Во Флоренции красивых женщин было столько же, сколько свечей в церквях.

Но у Бьянки было нечто другое: неукротимая живость. Она не была шумной, не была дерзкой, не была театральной. Напротив, у неё был редкий дар быть присутствующей, не выставляя себя напоказ. Франческо смотрел на неё и, вероятно, чувствовал то, что ни придворный, ни исповедник, ни жена, ни брат, ни министр не могли для него устроить.

Я стоял на некотором расстоянии. Репортеров из «Пятой ущелины» редко замечают. Это преимущество в любви и недостаток на ужинах. В тот первый раз Франческо едва заговорил с ней. Он поклонился, сказал что-то вежливое, а затем отвернулся с усердным притворным самообладанием человека, не желающего показывать, что его внутренняя крепость только что была взята без боя.

Бьянка ответила вежливо. Но она не сразу отвернулась. Этого было достаточно. Кто думает, что любовь начинается со слов, тот мало что понимает в любви. Слова приходят позже, когда душа уже предалась.

В тот вечер я гулял вдоль Арно. Город пахнул мокрым камнем, лошадьми, свечным воском и апельсиновой

коркой. В переулке смеялась женщина. На балконе кто-то тихо играл на лютне. Из дворца доносились звуки ссоры, ведь даже в мраморе живут несчастные люди.

Я подумал об Орфее. Не потому, что Франческо играл музыку, а потому, что каждая великая любовь рано или поздно сталкивается со своим подземным миром. Орфей потерял Эвридику не потому, что не любил её, а потому, что слишком сильно хотел удержать её. Он оглянулся.

Не из-за неверности, а из-за страха. Возможно, это самая древняя трагедия любви. Страх потерять часто разрушает то, что сама любовь могла бы сохранить. Тогда Франческо ещё не знал, что уже ступил в свой подземный мир. Бианка тоже. Начало любви сладко. Она никогда не думает о счёте.

Когда два взгляда встретились. Бывают встречи, которые задним числом называют случайностью, потому что слово «судьба» кажется слишком тяжёлым бременем. Я в это не очень верю. Наблюдая за людьми на протяжении тысяч лет, я стал осторожно относиться к таким словам, как «случай» и «свободная воля».

Возможно, они похожи на двух путешественников, которые постоянно сменяют друг друга, так и не расставаясь по-настоящему. Иногда мне приходил на ум троллейбус. Водитель крепко держал руль, внимательно смотрел вперед и полагал, что сам выбирает каждый поворот.

Однако направление движения уже давно определяла контактная сеть. Возможно, с человеком дело обстоит

точно так же. Он выбирает свои слова, своих друзей и своих возлюбленных, при этом лишь редко догадываясь, сколько нитей было натянуто ещё до его рождения.

Тем не менее один вопрос не давал мне покоя. Если маршрут в основном предрешён, почему же два человека ведут себя так по-разному, когда идут по одному и тому же пути? Я видел братьев, которых воспитывала одна и та же мать.

Один из них стал кротким человеком, который предпочитал проиграть, чем причинить боль другому. Другой превратился в хищника, не доверявшего даже собственному отражению в зеркале. С тех пор я стал верить в воспитание меньше, чем большинство философов.

Характер — странный гость. Он не стучится в дверь. Он уже внутри, ещё до того, как мы научимся говорить. Возможно, человек — не столько архитектор своего характера, сколько его садовник. Он не выбирает почву. Он выбирает лишь то, как за ней ухаживать. Франческо обладал характером, который постоянно боролся с самим собой.

Он любил науку, астрономию, редкие растения, минералы, искусство, тишину лабораторий. Он без труда мог бы стать учёным. Но он родился Медичи. Это не было профессией. Это было предназначением. Его семья ожидала власти.

Его народ ждал руководства. Его отец ждал послушания. История ждала великого герцога. Никто никогда не спрашивал, чего хотел сам Франческо. Возможно, так

бывало с немногими монархами. Корона похожа на золотую птичью клетку. Снаружи она сияет. Внутри она остаётся клеткой.

Когда Франческо вновь встретил Бьянку, на этот раз в садах Боболи, была весна. Флоренция окуталась нежной зелёной дымкой. Апельсиновые деревья цвели. Фонтаны шептали статуям, которые уже веками делали вид, что ничего не слышат.

Бьянка медленно шла вдоль мраморной балюстрады. Не потому, что спешила. А потому, что по-настоящему элегантные люди редко спешат. Франческо остановился. Он ничего не сказал. Она тоже. Некоторые паузы длиннее разговоров. «Вы любите цветы», — наконец сказал Франческо.

Бьянка улыбнулась. «Нет». Он удивлённо посмотрел на неё. «Я люблю людей, которые умеют ценить цветы». Этот ответ преследовал его всю жизнь. Он улыбнулся. Не громко. Скорее так, как улыбается человек, неожиданно обнаруживший дверь, о существовании которой он не подозревал.

С того момента их отношения изменились. Не внезапно. Любовь обычно растёт так же, как зарождается река. Капля за каплей. Источник за источником. Пока никто уже не помнит, где на самом деле началась вода. Они стали встречаться чаще. Всегда случайно. По крайней мере, так называл эти встречи двор.

На самом деле двор — самое неслучайное место в мире. Каждый взгляд замечают. Каждую улыбку запоминают. Каждую прогулку описывают. И каждое молчание

интерпретируют. Придворные составляли удивительный вид. Они жили не хлебом. Не вином. А догадками.

Когда двое людей встречались три раза, через неделю при дворе уже были уверены, что они влюблены. А когда они действительно любили друг друга, при дворе об этом часто узнавали ещё раньше. Не потому, что придворные обладают острым умом. А потому, что ревность обладает исключительной наблюдательностью.

Меня всегда удивляла ревность. Это единственная эмоция, которая даже счастье других воспринимает как личную утрату. Может быть, именно поэтому она такая ненасытная. Однажды вечером Бьянка спросила: «Вы верите в судьбу?» Франческо посмотрел на Арно. «Я верю, что мы делаем выбор». «Всегда?» Он помолчал. «Не всегда». «А когда же нет?»

«Когда сердце решает быстрее, чем разум». Бьянка посмотрела на воду. «Тогда, возможно, мы вообще не делаем выбора». Франческо улыбнулся. «Это звучит опасно». «Такова, как правило, любовь». Я слышал их слова.

И вспомнил старинный текст из Индии. Там говорилось, что ничто на самом деле не принадлежит нам. Наше богатство. Не наше здоровье. Не наши любимые. Даже не наше тело. Всё нам доверено лишь временно. Возможно, ревность возникает именно в тот момент, когда любовь хочет стать собственностью.

Тот, кто говорит: «Ты мой», — уже забыл, что ни один человек никогда по-настоящему не владеет другим. Возможно, именно поэтому любовь так уязвима. Она

требует полной самоотдачи. Но отвергает владение. Это противоречие, о которое большинство людей спотыкается всю свою жизнь.

Франческо всё чаще начинал проклинать те вечера, когда Бьянка не появлялась. Он работал. Принимал послы. Подписывал постановления. Подписывал договоры. Но его мысли блуждали где-то в другом месте. Я видел, как во время заседаний он отвлечённо смотрел в окно.

Министры говорили о налогах. А он видел только сады Боболи. Генералы говорили об укреплениях. А он слышал только её голос. Епископ произносил длинную речь об ответственности монарха. Франческо бездумно записывал одно слово на полях своих бумаг.

Бьянка.

Некоторые придворные это заметили. Этого было достаточно. Двор живет за счет двух вещей: амбиций и скуки. Когда амбиции на мгновение затихают, скука тут же берет верх. Через несколько недель начали шептаться. Через несколько месяцев все были уверены. Через год все утверждали, что были рядом, когда зародилась любовь.

Никто этого не видел. Только Арно. А реки не говорят. Я вспомнил об Орфее. Не о его спуске в подземный мир. А о его первой встрече с Эвридикой. Вероятно, он тоже думал, что мир стал прекраснее. Возможно, она тоже стала прекраснее.

Только красота никогда не длится достаточно долго для тех, кто хочет удержать её. Солнце медленно опускалось за холмы. Флоренция окрасилась в золотой цвет.